

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ

Стартовав в «нулевых», эта писательская группировка похоронила постмодернизм. *Виртуозной игре цитатами они предпозли будни* — не важно, офисных тружеников или молодых революционеров.

Текст: Захар Прилепин

ФОТО: АНДРЕЙ ДАВЫДОВСКИЙ

Хедлайнеры нового реализма (слева направо): Захар Прилепин, Дмитрий Данилов, Андрей Рубанов, Роман Сенчин

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Новых реалистов не любит литературный истеблишмент, но самые верные диагнозы обществу ставят они, а значит, изучать «нулевые» будут по их текстам. По просьбе журнала «Собака.ru» главный писатель десятилетия Захар Прилепин написал первую правдивую историю нового реализма и одновременно свою литературную биографию.

Понятным языком — о простых вещах.

Шо существу заданных мне гражданином редактором вопросов хочу пояснить, что с писателем **Сергеем Шаргуновым** я познакомился в 2003 году на съезде Национал-большевистской партии, где передал ему для прочтения свой первый роман «Патологии». Шаргунов был ломкий, юный, молодой, бросал быстрые взгляды, все подмечал и, как выяснилось, помнил потом. В следующий раз мы пересеклись в одной подмосковной гостинице, Шаргунов был весел и не совсем трезв. Мы подсели за полупустой столик к одинокому небритому мужику, который что-то печатал в ноутбук. «Работаете? Вы кто вообще?» — набросал сразу вопросов Шаргунов. «Физик? Тогда сделайте нам бомбу!» — и ударил кулаком по столу так, что бутылка пива физика, подпрыгнув, упала на стол. Согласно законам все той же физики пиво полилось вниз, на пол.

С писателем **Романом Сенчиным** я познакомился на литературном семинаре в Липках в 2005 году. В составе небольшой группы литераторов я пришел к нему в номер, где Роман очень страдал с бодуна и лежал лицом вниз. Я сидел на подоконнике, разливал и тостовал. На третьем тосте Роман неожиданно засмеялся в подушку моей нехитрой остроте, поднялся с кровати и сипло сказал: «Я тоже выпью». Он был в свитере и в черных брюках, в них, замечу, Сенчин ходит по сей день. При том что он безупречно аккуратен и вообще не имеет человеческих запахов. По-моему, Сенчин мумия.

Впоследствии мы неоднократно встречались с писателями Сенчиным и Шаргуновым, иногда к нам присоединялся Михаил Елизаров. Впрочем, последний старался много не пить в нашей компании и вообще держался особняком.

С писателем **Михаилом Елизаровым** я познакомился на книжной ярмарке в Москве в 2008 году, вскоре после получения им «Букера». Всякий раз, когда я видел Елизарова, его сопровождала новая блондинка. Елизаров всегда ходил с ужасным ножом на кожаном ремне и порой показывал его интересующимся. Однажды с Елизаровым пытались бороться на руках ряд моих знакомых писателей, и он поборол одного за другим четырнадцать человек. После чего я стал подводить к Елизарову охранников гостиницы, где проходило спонтанное соревнование, и Елизаров поборол всех охранников тоже.

С писателем **Сергеем Самсоновым** я познакомился в тот же день, когда Елизаров борол писателей и охранников гостиницы. Так как я считаю роман Самсонова «Аномалия Камлаева» шедевром, то немедленно предложил ему выпить, но Самсонов отказался, ссылаясь на занятость. Возможно, что ситуацию осложнило наличие рядом со мной двух возбужденных и бритых наголо нацболов, которые, указывая на Самсонова, но не глядя на него, спрашивали о нем в третьем лице: «Кто это?» С тех пор с писателем Самсоновым я не встречался.

С писателем **Дмитрием Даниловым** мы познакомились по дороге в США в 2008 году. В США было уютно. Мне особенно запомнилось, как в день нашего отбытия на родину за четыре часа до вылета я заглянул к Данилову в номер выпить по рюмке виски перед дорогой через океан. Литровая бутылка была едва почата. Мы опрокинули по пятьдесят граммов, и я ушел собирать вещи. Спустившись через пятнадцать минут в фойе, я там Данилова не нашел, хотя было пора. Я снова поднялся к нему в номер и обнаружил, что Данилов успел в течение максимум десяти минут выпить минимум восемьсот граммов виски, то есть опустошить бутылку. Чтобы, видимо, не оставлять ее в гостинице. Удивительно, но его все-таки удалось поднять, довести живым до аэропорта и пройти с ним (точнее будет сказать, пройти им) паспортный контроль.

Всякий раз, встречаясь с указанными писателями, мы говорили о необходимости свержения существующей власти. Не говорили об этом только с Самсоновым, но уверен, что и он был бы за. О необходимости изменения существующего порядка вещей мы продолжаем говорить по сей день и очень надеемся, что рано или поздно свобода нас встретит радостно у входа и братья меч нам отдадут. Хотя у Елизарова, говорю, уже есть оружие. Других, кроме указанных выше, оснований для существования литературной группировки «новый реализм», к которой, говорят, мы все имеем отношение, не существует в природе.

факт

«Санька» не оставил равнодушным никого: Павел Басинский назвал Захара Прилепина «новым Горьким», Михаил Швыдкой предложил экранизировать книгу, Кирилл Серебренников поставил по ней спектакль «Отморозки», а банкир Петр Авен написал статью, где призвал героев романа заняться настоящим делом, а не лезть в политику.

ФОТО: АНДРЕЙ ДАВЫДОВСКИЙ

БРОШКА НА ГРУДИ

Теперь серьезней. Новый реализм, как к нему ни относиться, имел место, как имели место декаденты разных мастей в начале прошлого века или почвенники во второй его половине. Страничка в истории литературы ему обеспечена, и если у власти будут наши — красно-коричневые консерваторы и прочая сволочь, — то даже три странички. А если не наши — в смысле либералы и тому подобная демократическая гнусь, — то пара снисходительных абзацев на тему «было и такое». Выглядеть это будет примерно так. Представьте себе учительницу литературы в тугой юбке и красивых очках, которая строгим голосом обращается к вам, тайно разглядывающему вырез ее блузки. — Новый реализм — литературное течение, зародившееся в начале «нулевых» годов, в рамках которого работали такие писатели, как Сергей Шаргунов, Роман Сенчин, Герман Садулаев, Андрей Рубанов, Захар Прилепин и некоторые другие. Для нового реализма было характерно критическое отношение к действительности, пересмотр постмодернистских критериев восприятия социума и культуры и отчасти возврат к советскому реалистическому канону. Характерно, что Шаргунов выступил в качестве исследователя биографии Фадеева, а Прилепин — Леонова, писателей, к тому времени прочно забытых и фактиче-

лизма стал роман Сенчина «Елтышевы» (2011), прозванный сумрачным настроением, навязчивой идеей безысходности и социального распада. Знаменательно, что, будучи последовательно номинирован на все крупные литературные премии («Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер» и «Ясная Поляна»), роман «Елтышевы» так и не получил ни одной из них. По мнению специалистов, это стало свидетельством того, что новый реализм быстро исчерпал свои ресурсы. Кодой эпохи нового реализма стала статья писателя Виктора Ерофеева «Отсебятина», посвященная антологии «Десятка», в которую вошли сочинения десяти наиболее известных новых реалистов. В статье указывалось на дальнейшую бесперспективность новореалистического метода. ...Петров, что ты такое увидел у меня на груди?

БОРОДАТЫЕ ПРЕДТЕЧИ

На самом деле все было куда сложнее. Проще говоря, все было не так. Прежде всего, новый реализм появился как минимум десятью годами раньше. В середине восьмидесятых весь литературный процесс накрыла волна «возвращенной» литературы. Соперничать

ВЫРОСЛО ПОКОЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ПРЕДПОЧЛО ЛИМОНОВА АКСЕНОВУ

ски исключенных из литературного обихода. Так новые реалисты пытались осуществить возобновление литературной традиции, якобы прерванной в девяностые годы. Начало нового реализма относят к выходу программной статьи Шаргунова «Отрицание траура» (2001), расцвет его связан с изданием таких романов, как «Ура!» (2004) Сергея Шаргунова, «Русскоговорящий» (2005) Дениса Гуцко, «Я — чеченец!» (2006) Германа Садулаева, «Сажайте, и вырастет» (2006) Андрея Рубанова, «Санька» (2006) Захара Прилепина, «Аномалия Камлаева» (2008) Сергея Самсонова, «Горизонтальное положение» (2010) Дмитрия Данилова. Традиционному на тот момент сведению счетов с прошлым новые реалисты предпочли сведение счетов с настоящим. То есть критика советской системы в их текстах уступила место осмыслению постсоветской действительности. На раннем этапе для новых реалистов была характерна антиревизионистская и порой агрессивно-наступательная эстетика.

Работы новых реалистов получили адекватное освещение в критических статьях Андрея Рудалева, Валерии Пустовой, Алисы Ганиевой. К концу «нулевых» оптимистический заряд новых реалистов фактически исчерпал себя, что уже заметно в произведениях Данилова или в романе Гуцко «Домик в Армагеддоне» (2010). Подводящим итоги краткой эпохи нового ре-

с Булгаковым, Гроссманом и Шаламовым было крайне сложно, но вслед за возвращенной более-менее успешно могла пристроиться литература ревизионистская, заново переосмысляющая итоги «красного века». Тем более что ряд здравствующих писателей проходили одновременно и по разряду возвращенной, и по разряду ревизионистской литературы. В России издали Солженицына, вышли «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, над которыми он работал давно, но публиковать не решался, вернулся из-за кордона Василий Аксенов и Владимир Войнович — сначала своей зубодробительной антисоветчиной, а потом и сами лично пожаловали. Прозвучала книга «Генерал и его армия» Георгия Владимова. Радикально переосмыслил в последних книгах собственную судьбу и судьбы родины Виктор Астафьев. Даже Юлиан Семенов — и тот вдруг издал роман о Штирлице, которого, согласно замысловатому сюжету, Сталин хочет повесить на Красной площади в ходе огромного процесса над евреями. Забавно, что в этой волне поначалу оказался и Эдуард Лимонов, чья повесть «У нас была великая эпоха» была опубликована в 1989 году в ультралиберальном журнале «Знамя», но потом деятели культуры быстро сообразили, что к чему, и наглого национал-большевика быстро отлучили от литпроцесса. В те годы российский либерализм раскрылся во всей своей полноте, наготы и подлоте. Демократы взяли под контроль девять десятых культурной политики, и ни в одной премии, ни в одном толстом журнале, ни в одной радио- или телепрограмме никогда не мог фигурировать наш брат из числа

Михаил Елизаров

Новый реализм — это то же самое, что и внесистемная оппозиция. Уже в своем предикате он активно противопоставляет себя «старому реализму». Проблема заключается в том, что литературоведческого термина «старый реализм» не существует, так что новому реализму, по сути, нечему себя противопоставить. Поэтому он занимается производством и комментированием самого себя: представители нашего направления так обладают особыми, новыми способами отражения окружающей реальности посредством языка. Сложно отрицать, что эта реальность — рынок, и новый реализм, отражая ее доступным ему художественным инструментарием, оказывается не авангардным течением, а узким малоприбыльным сегментом на рынке книг — в отличие от того же феминизированного литсегмента, имеющего ироническим детективом. Впрочем, эта невостребованность заложена в бизнес-плане. Задача нового реализма — оттенять своей «в пыли магазинности» успешные коммерческие проекты. Эта специфика дополнительно роднит его с внесистемной оппозицией. С новым реализмом меня сближает ошибочно взятый курс на нерентабельность и предельную неубедительность. В остальном мы разнимся. Новый реализм предусматривает работу в артели, я сторонюсь коллектива. Новый реализм увлечен правдоподобием, я изучаю неправду. У нового реализма не может быть будущего. Будущее — это то, что еще не наступило, а новый — суть проявленный, реализованный. У нового реализма нет прошлого, потому что новизна не имеет корней. По-хорошему, у него нет и настоящего: новый — не нынешний. Он сродни коммерческо-утопическому проекту «Сколково» — дело уже запланировано и даже имеет бюджет, но при этом обречено застрять где-то в глухой неизвестности, в стороне от будущего, прошлого и настоящего. Возможно, в журнале «Знамя».

факт

Обвинять Михаила Елизарова в красно-коричневых симпатиях критики стали после романа Pasternak. Но когда его «Библиотекарь» в 2008-м взял премию «Букер», разразился настоящий скандал: фразы «роет носом трэшную землю соцреализма» об авторе и «настолько плох, что не стоит обсуждения» о романе были самыми мягкими из сказанного.

ФОТО: МАРК ВОЯРСКИЙ

ФОТО: АНДРЕЙ ДАВЫДОВСКИЙ

факт

В книгах Дмитрия Данилова отсутствуют яркие сюжеты, эффектные образы и герои, но повседневную череду мелких «неважных» действий, из которых и состоит жизнь, он фиксирует как никто.

почвенников, соцреалистов и прочих печальников о русской, мать ее, душе и тому подобной материи, донской либерии, евразийской империи. Составить зримую конкуренцию возвращенной и ревизионистской литературе смогли лишь постмодернисты, вывернувшие наизнанку все соцреалистические смыслы и квазисмыслы: Пелевин, Сорокин, Ерофеев — своеобразные, скажем так, трупоеды. Как борцы с советской властью, по меткому выражению философа Александра Зиновьева, целились в коммунизм, а попали в Россию, так и постмодернисты целились в соцреализм, а потоптали русскую гуманистическую традицию в целом. Что, впрочем, было более чем востребовано.

Если закрыть глаза и попытаться представить российскую литературную ситуацию тех лет, то отчего-то видится голливудский трэш про вампиров и прочих кровавых уродов: еще пять минут назад выглядевшие приличными молодые люди вдруг бросились рыть могилы, извлекать мертвецов, рвать их на части, разбивать головы и пожирать чужие мозги. Однако, как ни странно, в те же годы появилась и целая генерация молодых реалистов: Алексей Варламов, Василий Голованов, Владислав Отрошенко, Олег Павлов, Михаил Тарковский, Антон Уткин. Одновременно пришли в литературу Алексей Иванов, Александр Кузнецов-Тулянин, Олег Ермаков, Александр Терехов, которые, в сущности, вполне могли числиться по тому же разряду. Все они ра-

СТРАНИЧКА В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
НОВОМУ РЕАЛИЗМУ ОБЕСПЕЧЕНА

ботали в жанре плюс-минус реализма, писали о современности, хранили верность поруганной гуманистической традиции и понемногу, исподволь, пытались говорить о таких странных вещах, как вера, почва, Бог. Тут бы критикам и объявить реалистический рванш. Критик Павел Басинский, как раз тогда писавший об этой генерации, и манифест бы придумал, и все было бы, как подобает в истории литературы. Тем более что реалистов извода девяностых более-менее приняли к либеральному двору, Павлову так даже «Букера» дали. Условие у принимающей и банкующей стороны было, по сути, одно. Ну, в крайнем случае два: никак не выражать своих симпатий к советскому проекту, а лучше выражать антипатию и как-нибудь пореже говорить про всякую там русскую душу, «а то мы знаем, чем это пахнет». Но внятной истории у новых реалистов в девяностые не случилось: они так и остались на периферии читательского внимания. Почему? Те новые реалисты, будучи чуждыми хоть левому, хоть правому радикализму, отбились от патриотического лагеря, объединившегося вокруг журналов «Наш современник», «Москва» и газеты «Завтра», но так и не прибились толком к «Новому миру», «Знамени» и «Новой газете», куда их хотя и допускали, но далеко не в качестве фаворитов. Больно бородатые. Да и время было не самое подходящее для критического реализма. Время больших мыльных надежд.

ДУБЛЬ ДВА

В итоге истории пришлось делать второй круг. К началу «нулевых» для появления очередной реалистической поросли возникло несколько предпосылок. Во-первых, несколько поизносилась идея пресвятого либерализма, зато по поводу советского проекта оформилась некоторая ошутимая общественная ностальгия. Во-вторых, возник запрос на новое государственничество и прочий патернализм, что вскоре выразилось в появлении того самого человека, которого Борис Николаевич, уходя, попросил «беречь Россию». В-третьих, — поверьте, это немаловажно, — выросло целое поколение людей, которые не просто читали Эдуарда Лимонова и чуть в меньшей степени Александра Проханова, но и предпочли их, скажем, Аксенову и Войновичу. То есть харизму, браваду и окрашенный в красно-коричневые цвета нонконформизм предпочли замечательным буржуазным ценностям. Ну и наконец, какому-то количеству читателей захотелось чего-нибудь свежего, не все же потреблять продукт с гнильцой. Помните, к слову, что русская красавица в одноименном романе Виктора Ерофеева всегда несколько припахивала? Это показательно. Безусловно, те, кто позже стали называться новыми реалистами, ни сном ни духом об этом не ведали. Да и никто тогда об этом знать не мог. Все получилось случайно, сослепу, на ощупь. В 2001 году Шаргунов получил премию «Дебют» за свою первую повесть «Малыш наказан» и передал ее денежное содержание Лимонову, задержанному в Алтайском крае и препровожденному в Лефортово. Между прочим, Лимонову инкриминировали

попытку устроить в Казахстане вооруженный переворот. В том же году появилась повесть «Ногти» Михаила Елизарова, жившего еще в Харькове. Он, впрочем, вскоре переедет по гранту в Германию: прочтя «Ногти», немцы всерьез подумают, что появился еще один писатель про звероватых русских, но когда прочтут роман Pasternak, жестоко обломаются и Елизарова побыстрее выдворят. Роман Сенчин к тому времени уже активно публиковался. Что до Садулаева, Рубанова и прочих, включая меня, никто еще о литературе не помышлял, и все занимались своими личными делами. Появившийся тогда, как я сказал бы, манифестный текст прозорливого Шаргунова «Отрицание траура» («Я повторяю заклинание: новый реализм!» — сказал он там) касался, в общем, едва ли не его одного: кроме самого Сергея, отрицать траур, постмодернистское пересмешничество и прочее наследие веселых девяностых было по большому счету некому. Требовалось еще какое-то время для накопления смыслов. В 2003 году премию «Национальный бестселлер» выиграли молодые писатели Александр Гаррос и Алексей Евдокимов с романом «[Голово]ломка», и это было уже то, что надо: жестокая и драйвовая история про убийство банкира. Ребята замечательно перетрясли русский язык и буржуазный дискурс и разом выбили целое облако пуха и пыли. Одни

Конечно, я слышал о новом реализме. Так принято называть творчество группы писателей, которые проявили себя в «нулевые» годы: Захара Прилепина, Романа Сенчина, Сергея Шаргунова, Германа Садулаева, Дениса Гуцко, Андрея Рубанова и других. Самой характерной чертой их творчества я бы назвал социальную и часто политическую заостренность. Наиболее яркими примерами этой заостренности мне видятся романы Прилепина «Санька» и Сенчина «Елтышевы». К новым реалистам я отношусь хорошо, с некоторыми из них дружу и участвую в совместных проектах, но сам себя я бы не назвал «новым реалистом» — прежде всего из-за отсутствия в моих текстах той самой социально-политической заостренности и ярких героев.

“
Сергей Шаргунов

Новый реализм — это, может, и не самое удачное определение, зато важный поворот в литературе, а именно возвращение интереса к реальности, к жизни. С одной стороны, наследуя старому доброму критическому реализму, а с другой — впитав авангардные приемы, постмодернистские практики и отзываясь на современные реалии, такой реализм вправе называться именно новым. Я не могу себя строго причислить к какому-то направлению. Главное — писать книжки, которые будут хорошими. Поскольку определение «новый реализм» все-таки довольно условное и часто охватывает авторов жанрово и стилистически разных, то новые реалисты, наверное, прежде всего собравшись по духу, по настроению, по какому-то стремлению к новизне, твердости, искренности. Не думаю, что новый реализм себя исчерпал, но он должен усложняться. От исповедей и очерков, то есть от прямой трансляции личного опыта, многие уже перешли к психологически достоверным романам. Это важно и нужно.

чихали от смеха и радости, другие — от раздражения. Одни называли их книжку «глотком свежей крови», другие — «томиком мата».

В 2005 году разом появились первые чеченские повести Германа Садулаева и его «Радио Fuck», Денис Гуцко получил «Букера» за роман «Русскоговорящий» (знаменательно, что глава жюри Василий Аксенов отказался вручать ему премию, потому что хотел отдать ее своему товарищу Анатолию Найману), плюс ко всему вышел мой первый роман. В 2006-м стал известен Андрей Рубанов. В 2007 году критики Андрей Рудалев и Валерия Пустовая начали всерьез писать о новом реализме, а критик Сергей Беляков отрицать его существование, что, собственно, и стало окончательным подтверждением того, что он есть. Потому что у нас в литературе вообще принято отрицать как раз то, что уже имеет место. Поначалу к новым реалистам относили старожилов литературных семинаров в Липках, отбывших там лет по пять каждый: Дмитрия Новикова, Илью Кочергина, Александра Карасева. Они вроде бы тоже работали в реалистическом жанре, отдавали дань традиции и тому подобное. Но в чем-то

это была уже устаревшая модель: хронический антисоветизм, характерный для всех вышеназванных писателей, отсутствие нерва социальной раздражительности, да и сама манера поведения в литературе быстро вывели их за пределы новой генерации. Новых реалистов в том виде, о котором здесь идет речь, характеризовали веселая агрессия, бурное социальное ребячество, привычка вписываться в любую литературную, а часто и политическую драку и вообще желание навязчиво присутствовать, время от времени произносить лозунги, уверенно считать давно поделенное литературное пространство своей вотчиной. Все это, к слову, шло вразрез и с той моделью поведения, которую демонстрировали реалисты призыва девяностых. К советской литературе так или иначе обращались и первые, и вторые. Однако если Алексей Варламов, Олег Ермаков или Михаил Тарковский ориентировались на ушедшего во внутреннюю эмиграцию Пришвина, то Шаргунов апеллировал к Катаеву, Елизаров — к Гайдару. Что до автора этих строк, то в качестве модели писательского (не путать с человеческого) поведения он уверенно выбрал Алексея Толстого. Последовательно Сенчин, Шаргунов, да и я тоже, совершили вещь, году уже в 2000-м совершенно немислимую: мы начали публиковаться одновременно в «Новом мире» и в «Нашем современнике»,

ФОТО: СЕРГЕЙ УСОВИК

в «Завтра» и в «Новой газете», выступать на «Эхе Москвы» и на радио «Радуница», посещать красно-коричневые митинги и либеральные круглые столы. Пользуясь лимоновской терминологией, новые реалисты успешно навязали себя литературной обществу со всем своим багажом. С ними пришлось считаться.

ПО СУЩЕСТВУ

Дело лишь в том, что никакого нового реализма как литературного течения, отвечающего своему названию, не было. Идеальным новым реалистом является лишь один писатель из всех вышеназванных: Роман Сенчин. Он неустанно описывает новую реальность, старается быть предельно честным, фиксирует, документирует, складывает. Шаргунов? Сергей пишет экспрессивную, порой фантазматическую прозу, хотя и отражающую некоторые реальные события. Но разве отнесешь к реализму «Ура!» или тем более «Птичий грипп»? Полноте. Мы же не считаем «мовистские» повести позднего Катаева реализмом? Вот и с Шаргуновым та же история: он пишет «Алмазный мой венец», а не «Сын полка». Елизаров? Тем более. Действие всех трех его романов — Pasternak, «Библиотекарь» и «Мультики» — происходит по большей части в авторской голове. Данилов? Я называю его стиль ироническим аутизмом. К реализму это имеет такое же отношение, какое имели Добычин или Платонов к соцреализму. Садулаев? Ну, только если вы не читали «Пургу», АД и «Таблетку», то есть три из пяти его романов. Рубанов успешно мигрировал в жанр социальной фантастики. «Хлорофилия» великолепно наследует Стругацким и советской фантастике вообще. Да и мой «Санька» является отчасти антиутопией, а «Черная обезьяна» не имеет к реализму вообще никакого отношения. Единственное, что имело место быть в нашем случае, так это вольное сообщество политически ангажированных молодых

ПРИЛЕПИНУ ДАЛИ
СТО ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ,
И ОН НЕ ОТКАЗАЛСЯ

людей. Шаргунов, которого вообще на какое-то время занесло в большую политику (и выбросило оттуда за неукротимость нрава), Сенчин, который ходит на все марши несогласных, какие только случаются в столице, Садулаев, который является членом питерского отделения Коммунистической партии, Елизаров, который фразировал публику своими оглушительно некорректными интервью и, кстати, песнями. Я, наконец.

Когда мы в течение последних лет пяти собирались в своем тесном кругу, у нас, признаюсь вам, вообще ни разу не заходила речь о литературе. «Как, мол, брат, твой рассказ в жанре нового реализма? — Да трудно, брат, не хватает пока правды жизни!» Нет, речь почти всегда шла о политической повестке дня, актуальных партийных драках и медийных перетрясках. Нашу улыбчивую банду скорее стоило назвать новым неконформизмом или сообществом радикальных консерваторов. На худой конец клиническим реализмом, и это было бы особенно точно. Но вот назвали новым реализмом, и приходится теперь отвечать. К реализму мы имели отношение только в том смысле, что, говоря о современности, каждый из нас так или иначе демонстрировал молодую и наглядную неприязнь к установившемуся в окружающей реальности порядку вещей. Сначала это многих подкупало. Потом стало многих раздражать.

ул. Большая Морская, 25
+7(812) 314 64 43

НОВОЕ МЕНЮ ОТ
ФРАНЦУЗСКОГО ШЕФ-ПОВАРА
ЖЕРОМА ЛОРЬЕ

по будням
с 12.00 до 16.00
-20%

КРИТИКА

Ну да, все патентованные новые реалисты с какого-то времени успешно работают в качестве колумнистов глянцевого журналов. Обуржуазились. Мы же должны распространять свои тексты в ксерокопиях или выкрикивать на митингах у памятника Маяковскому. Но вообще, это примерно та же история, что с Иваном Охлобыстиным, заявившим как-то, что он влез на шею чудовищу шоу-бизнеса и будет паразитировать на нем, пока чудовище не издохнет. Ну да, Елизарову дали «Букера», а он ходит в берцах, как сами знаете кто, а Прилепину — сто тысяч долларов за книгу десятилетия, и он не отказался. Между тем предыдущие лет пятнадцать либеральная общественность делила кэш исключительно между своими. И если у них не подросло новое поколение, то кто ж в том виноват? Еще у новых реалистов морда кирпичом. Это выяснилось, когда была опубликована антология «Десятка» с произведениями десяти новых реалистов и на нее стали выходить рецензии. Рецензенты почему-то сошлись в одном: фотографии на задней обложке книги явно демонстрируют, что перед нами быдло и научившаяся складывать байки гопота. Еще глубже копнул Виктор Ерофеев в своем недавнем эссе «Отсебятина», написанном все о той же «Десятке». Речь он завел издалека, рассказав, что настоящий писатель похож на старый радиоприемник на лампах, и если покрутить ручку на его панели, услышишь всякие хрипы и странное

НАШУ БАНДУ СТОИЛО НАЗВАТЬ
КЛИНИЧЕСКИМ РЕАЛИЗМОМ

сплетение голосов. Но есть и другой тип писателей, которые никаких голосов не слышат, а несут отсебятину. Это как раз, по мнению Ерофеева, всякие там новые реалисты, которых он наконец удосужился прочесть в сборнике «Десятка». Я как-то был в Италии вместе с Ерофеевым. Выступая перед итальянской публикой, он свою речь начал как раз с того, что он — старый радиоприемник, который гудит, шипит и передает какие-то голоса. Вот и в статье, я думаю, Ерофееву надо было взять и сказать прямо: ретранслятор тут я, а вы нет. Тем более что Ерофеев действительно великолепный эссеист и несколько раз был отличным писателем. Но дальше в его эссе попадают куда более остроумные вещи: «Начиная с середины XVIII века у нас никогда не было столь долгой паузы в литературной традиции. Вот она наступила». Даже в советские времена, признает наконец Ерофеев, «некоторые писатели слышали свои репродукторы — настоящие писатели». А тут — р-р-раз, и оборвалось. Мы вдруг оказались на другом, неприветливом берегу без моста, баржи, лодки. С той стороны, где традиция, бегают у большой воды Пушкин, Толстые и Платонов и кричат: «Куда вы? Куда?» А с нашей — один Ерофеев сидит, и горюет, и сетует: «Из-за этих гребанных новых реалистов все, будь они неладны!»

Но поميلуйте, кто, как не Ерофеев, устраивал в свое время «Поминки по советской литературе», то есть жаждал эту традицию разорвать — и разрывал, и получалось? Неужели я что-то путаю? А теперь он ругается на новых реалистов, что они-де не отличают советское от антисоветского. Ерунда, Виктор Владимирович. В своем предисловии к антологии «Десятка» я говорил, что мы не пожелали встраиваться в эту парадигму — советский/антисоветский, — раз она уже ничего не объясняет в новом мире. А про то, что советское и антисоветское — это одно и то же, говорил вовсе не я, а Сергей Довлатов. Мне чужих мыслей не надо, обратите ваш гнев на этого, как вы говорите, слепца. Наша с Ерофеевым внутрилитературная перепалка, впрочем, не имеет особого смысла. Объяснение всего происходящего куда более простое. Ерофеев, прямо скажем, не молод. Ощущение теряемых возможностей пришло к нему не так давно, маститый писатель к нему еще не очень привык. Лампочки в ретрансляторе гаснут, слышишь все хуже, а как хотелось бы, чтоб литература закончилась на тебе и больше ничего не случилось потом. Так бывает. Помните такую историю: умирающий муж попросил жену нагнуться, а сам укусил ее за нос, чтобы изуродовать. После чего умер спокойно: теперь эта тварь ни за кого замуж не выйдет.

Андрей Рубанов

Никакого нового реализма нет, есть просто реализм, который активно развивается и будет развиваться. Являюсь ли я новым реалистом, не знаю, пусть это решают критики и литературоведы. Реализм неисчерпаем, как неисчерпаема жизнь. Ребята, которые в «нулевые» годы сделали себе имена горячими резкими книгами, сейчас являются уважаемыми литераторами и напишут, я уверен, еще более резкие и горячие книги: наша действительность к этому располагает.

ТЕНДЕНЦИИ

Хотя тенденцию Ерофеев ощутил верно. Он всегда имел отличное чутье на тенденции. Новый реализм — неприятный цветок, выросший в те времена, когда либералы были уверены, что все поляны вокруг — их. То, что этот цветок так бурно разросся, уже не вызывает тех давних, удивленных и теплых чувств: ах, какие забавные лепестки! Теперь цветок будут объявлять сорняком. Стало наконец понятно, что более всего новореалистов объединял антилиберальный настрой. И, кстати, стойкое отсутствие каких-либо иллюзий по поводу того персонажа, что снова собрался беречь Россию в течение очередного президентского срока. Потому что это никакой не чекист из КГБ, а плоть от плоти российского либерализма. Посмотрите на деятелей культуры, так ожившихся накануне выборов: отдавшие свой голос за него и призывавшие голосовать за него же все как один оголтелые ненавистники левой идеи и социализма в любом изводе. Они чувствующие люди, они знают, за кого отдают голос. Тот же Виктор Ерофеев, насмерть обидевшийся, что ему не дали выступить на Болотной, вдруг объявился в провластной и вполне мерзкой газете под названием «Не дай Бог» — предвыборной агитке за сами знаете кого.

Факт

Свою последнюю книгу, вышедший в апреле 2012 года сборник рассказов «Стыдные подвиги», Андрей Рубанов начал в Лефортовской тюрьме в 1996 году. Сюжет он описал так: «Родился, вырос, повзрослел. Любил, служил, работал. Бегал, ползал. Ошибался. Прощал, мстил. Уважал. Изобретал. Тратил. Смелся, плакал. Убегал, догонял. Гордился, стыдился. Гнил. Процветал. Играл. Содержал, кормил, воспитывал. Герои и события невымыслены. Все совпадения неслучайны».

ФОТО: АНДРЕЙ ДАВЫДОВСКИЙ

Роман Сенчин

Я считаю, что новый реализм — это предельно достоверное письмо. Хотя натурализм, мистика, фантастика могут присутствовать, но в той мере и в том виде, в каких они существуют в реальности. Если герой, например, сумасшедший или какой-нибудь аутист, то писать о нем с позиции кондового реализма нелепо. И наоборот. Для меня новый реализм — художественный документ времени во всем его многообразии. Но, знаю, Сергей Шаргунов, Сергей Казначеев, Владимир Бондаренко вкладывают в этот термин несколько иные смыслы. Себя я считаю новым реалистом. И вообще, как мне кажется, любой пишущий человек должен ощущать себя каким-нибудь новым, а иначе и писать незачем. Считать себя последователем Достоевского, Чехова или Толкиена как-то смешно. Уверен, что это направление себя не исчерпало. Наоборот, новые писатели приходят в литературу с новым реализмом, правда большинству вскоре становится то ли скучно, то ли тяжело писать о жизни, и они начинают выдумывать. В основном, к сожалению, неудачно. Узлслсы и Беллевы рождаются очень редко.

факт

До того как выпустить в 2000-м дебютную книгу повестей и рассказов «Афинские ночи», Роман Сенчин успел узнать правду жизни: служил пограничником в Сортавале, работал вахтером, рабочим сцены, дворником, грузчиком, формовщиком, учителем в Минусинске и Абакане, учился в Литературном институте в Москве.

ФОТО: АНДРЕЙ ЗАВЯЛОВСКИЙ

Характерно, что возглавляемая сестрой одного независимого миллиардера Ириной Прохоровой новая крупнейшая премия «НОС» устами самой же Прохоровой провозгласила, что писателей вроде Шаргунова и Прилепина (и, думается, Сенчина, и, предположу, Садулаева, и, наверняка, Елизарова) они априори не рассматривают: таких писателей просто нет. В продолжение темы, давая интервью на радио, Прохорова сказала, что «Прилепин заигрывает» с разными деструктивными силами. Видимо, имелись в виду разные там радикальные левые и повывлезавшие из своих мрачных

пещер правые. Да я не заигрываю. Я там живу. Либеральные деятели в который раз неистово убеждены, что если смести в угол все чужое, то на этом пустом месте прорастет свое. Ну-ну. Желаю вам успехов в выведении новой либеральной капусты, тьфу ты, литературы, а то ее нет и пока не предвидится. Что до будущего нового, или, как мы договорились говорить, клинического реализма, то оно напрямую связано с будущим, прошу прощения, страны. Пока у нас происходит то, что происходит, лучшие диагнозы ставят как раз клинические реалисты. Они как минимум честнее многих и многих. А когда это изменится, тогда мы и выясним, кто тут был продолжателем традиции, а кто самозванцем. ©

ТРИ ОБРАЗЦОВЫХ ТЕКСТА НОВОГО РЕАЛИЗМА

Повесть

Сергей Шаргунов УРА!

«Ура!» — вещь знаменательная. Говорят, что именно с нее начинался новый реализм. Быть может. Мне казалось тогда, что с нее начинается новое время. Я ее прочел, кажется, в 2004 году — это было как зимний воздух (в повести герой «сдирает дыхание» об этот самый зимний воздух). Такое ощущение чистоты, юности и новизны. Честно говоря, с тех пор, читая современную прозу, я не испытывал ничего подобного. Другое испытывал, подобного — нет. Эту книжку не все оценили сразу и не все поняли. Ну и дураки — мне больше нечего сказать. Потому что это как если бы человека подвели к раскрытому окну в зимний лес, где всю ночь на сосны падал ослепительный снег, и вот стоит первозданная, вся в солнце природа, а человек говорит: «Да ну». Такое же ощущение было, когда впервые читал радостные рассказы Олеши, Всеволода Иванова, Катаева, Бабея: огромная сила в огромных легких, огромная молодость, огромный дар, огромная жизнь впереди. И не важно, как у кого все закончилось потом. Новое время, обещанное книгой Шаргунова, надо сказать, так и не началось. Зато есть волшебная книжка. «Ура!» — классика, не стану повторять. Этого не понимают либо забывшие, как, когда и зачем они были молодыми, либо те, кто слишком рано, лет эдак в тридцать пять, превратился в брюзгливых, занудных стариков, на все смотрящих с отвислою губой и якобы многоумным прищуром. Не щурьтесь, мазурики.

Рассказ

Роман Сенчин КОНЕЦ СЕЗОНА

Здесь все совпало как надо. Все основные (очень простые — а у кого сложные?) темы Сенчина получили идеально внятное звучание: героям хочется, чтоб было хорошо, а получается черт знает что, стройный мир в любой момент грозит расслоиться и осыпаться, в каждом празднике заложена ложь, потому что вообще нечего праздновать. Когда читаю Сенчина, все время слышу чей-то тихий, упрямый закадровый голос: «Не надейся, не надейся, не надейся...» В его мире оставлены за ненадобностью и «не верь», и «не бойся», и «не проси». Все это не работает и не спасает: можно и бояться, и просить, и верить — смысл будет тот же самый, нулевой. Не сойти с ума и не проиграть немедленно может только тот, кто не надеется. Но и он в итоге проигрывает.

Роман

Андрей Рубанов САЖАЙТЕ, И ВЫРАСТЕТ

В Рубанове весомо его прошлое эзка и бизнесмена лихих девяностых. Его жестикуляция — оттуда. Не путать с «распальцовкой», этого нет вовсе. Текст Рубанова сделан из мускулистых движений. Некоторые пишут так, словно лежат посреди душистого поля и глядят на звезды, другие — будто идут по бульвару и вспоминают, вспоминают, третьи — сочиняют, словно читая лекцию, четвертые, особенно частые, — рассказывая в пошлой компании пошлые байки. Рубанов пишет так, как будто «качает железо» или ставит удар. Он никогда не акцентирует свои политические взгляды, но внимательный читатель заметит, что Рубанов самый — в лучшем смысле — советский писатель из всех ныне существующих. Советский писатель, что бы о нем ни говорили, был подобен какому-нибудь Жюльо Верну:— уровень идеализма в нем был крайне высок. У советского писателя имелось представление о добре и о зле. Мужчины воспринимали себя в первую очередь как носителей элементарных мужских качеств: прийти, увидеть, победить и потом помочь подняться. Женщины жили целомудренно, умели ждать — месяцами, годами, весь век. То есть героическое поведение было нормой. Рубанов, при том что пишет очень индивидуалистическую прозу (он из девяностых, я ж говорю, из среды, где все друг друга продали), этот идеализм советского писателя унаследовал. В его атеистических текстах совсем нет Бога, как и положено человеку Просвещения или опять же советскому писателю, но с моралью все в порядке. Мораль превыше целесообразности. Правда превыше иронии. Как выяснилось, сегодня это очень редкий товар — сильный мужской роман, не разъеденный сарказмом. Книжка, где автор не ухмыляется в каждой строке (ну да, я и о Пелевине тоже), а говорит как мужчина — хорошим, спокойным голосом. «Сажайте, и вырастет», пожалуй, лучшая книга о девяностых. Роман воспитания, «Повесть о настоящем человеке», «Иду на грозу», «Как закалялась сталь» — именно так ее можно было бы назвать.